

Возможенъ ли миръ, пока не устраненъ поводъ къ войнѣ — это вопросъ по меньшей мѣрѣ спорный; но для насъ неваженъ практический результатъ поворота, совершаемаго нѣмецкой критикой — насъ интересуетъ только исходная точка этого поворота. Шмедингъ совершенно правъ, подчеркивая смягчающее, возвышающее, освобождающее дѣйствіе поэзіи В. Гюго; онъ совершенно правъ, называя идеальныя стремленія поэта чѣмъ-то болѣе, нежели заоблачныя мечты или неосуществимыя надежды. Неправъ, наоборотъ, Фагэ, не видящій во всемъ этомъ ничего другого, кромѣ „общихъ мѣстъ“. Общимъ мѣстомъ можно считать только положеніе всѣми принятое, не возбуждающее никакихъ сомнѣній, не производящее никакого впечатлѣнія — положеніе безцвѣтное и безжизненное, заѣзженное какъ старая кляча, годное развѣ для проповѣди, произносимой *ex officio*, или для такъ-называемой „воскресной морали“. Не споримъ, подобныхъ положеній у В. Гюго можно найти немало, — но ими далеко не исчерпывается содержаніе его поэзіи. Не настолько еще торжествуетъ свобода или братство — мы нарочно беремъ формулы наиболѣе общія, — чтобы тѣснѣе, вдохновляемая ими, неизбѣжно должна была звучать чѣмъ-то давно знакомымъ, давно наскучившимъ уху. Свобода не только нарушается и ограничивается на каждомъ шагѣ въ дѣйствительной жизни — она безпрестанно отвергается въ теоріи, въ принципѣ; братство не только остается неосуществленнымъ на самомъ дѣлѣ — оно провозглашается неосуществимымъ, да и не подлежащимъ осуществленію. Война возносится на пьедесталъ, милосердіе признается глупымъ или вреднымъ, политическое неравенство — законнымъ, привилегіи — благотворными. Возставать противъ широко распространенныхъ и глубоко вкоренившихся взглядовъ — не значитъ повторять общія мѣста, не значитъ прикрывать громкими фразами пустоту содержанія и отсутствіе самостоятельной мысли. Незаслуженнымъ кажется намъ и обвиненіе въ „фразеологіи“, взводимое Фагэ на В. Гюго — незаслуженнымъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно *никогда* не было къ нему примѣнимо, а въ томъ, что оно не можетъ служить *опредѣленіемъ* поэта. Поэзія, даже тенденціозная, имѣетъ другія задачи, чѣмъ публицистика или политическая философія. Отъ нея нельзя требовать логическихъ выводовъ, подробнаго анализа понятій; ея призваніе — вызывать *настроеніе*, возбуждать чувства, ставить вопросы, не претендуя на ихъ разрѣшеніе. Туманная, блѣдная, непонятная безъ комментаріевъ, она столь же мало достигаетъ своей цѣли, какъ и холодная, дѣланная, играющая словами; но яркость мысли — не синонимъ точности, и поэтъ не обязанъ писать такъ, чтобы не оста-